

К.В. Попова
Россия, Барнаул,
Алтайская государственная педагогическая академия
Научный руководитель д.ф.н., профессор Г.П. Козубовская

ЭПИСТОЛЯРИЙ Н.В. ГОГОЛЯ: МОТИВ МОДЫ

Актуальность темы объясняется возрастающим интересом к эпистолярию как «тексту культуры». Традиционный подход предполагал использование писем как материала для реконструкции биографии писателя, выявления его мировоззрения [4].

Разработка теоретических основ эпистолярия, использование новых методов изучения писем дают возможность изучать письма писателей как часть «литературного быта», свертхтекст, обладающий своей семантикой, формирующейся мотивикой и т.д.

Письма Н.В. Гоголя в обозначенном аспекте почти не изучались, исключение составляет кандидатская диссертация Л.Г. Давыденко [2].

Гоголь был необыкновенно внимателен к моде [3], о чем свидетельствуют уже его ранние письма. Интерес к моде и одежде объясняется интересом Гоголя к человеку, бывшему всегда главным предметом его наблюдений, о чем он неоднократно будет говорить позже в письмах к друзьям. Мода, очевидно, – часть эстетического интереса: облик человека он воспринимает в общем, «артистическом», контексте. «Страницы, посвященные описанию костюма окружающих, нередко отражают высокую степень эстетического наслаждения вещью, а также осознание ее сакральной энергетики» – подчеркивает Л.Г. Давыденко [2]. Свой принцип моделирования персонажа («полное воплощение в плоть») он сформулирует так: собрать вокруг персонажа «все тряпье до малейшей булавки» [1, т. VIII, с. 453].

В нежинский период интерес к моде сосуществует с вынужденным самоограничением. Анализ писем показывает, как постепенно обозначается лейтмотив: недостаток одежды. Так, в одном из писем к матери 1825 года, Гоголь ссылается на отсутствие парадного костюма: «Также я вам писал, чтобы в Кибенцы не ездить, потому что у меня платья совсем нет, кроме того, в котором хожу повседневно» [1, т. X, с. 60]¹.

В гоголевских письмах прорисовывается фантазмагория вещей. Полного срастания человека и его одежды нет: одно опережает другое, вырываясь из-под власти вещного мира. В письмах ощущается «болезнь роста» и неспевание вещного мира за живым организмом, растущим, почти, как в сказке, не по часам, а по дням: «Прошу вас еще прислать мне синего сукна на мундир, или здесь пускай куплят, потому что у меня о сю пору тот мундир, тот самый, что был на каникулах. Он совсем теперь не может на меня налезть, – так сделался мал, притом весь почти в дырах» [1, т. X, с. 50]. Мундир будто живет своей самостоятельной жизнью, как это потом будет в

¹ Сохраняется орфография и пунктуация Н.В. Гоголя.

прозе Гоголя: он умалывается, а материя расплзается. Между Нежиным и усадьбой периодически курсирует тулуп как зимнее облачение и сбрасываемая зимняя шкура: «Тулуп я отсылаю» [1, т. X, с. 103].

Просьбы об одежде следуют одна за другой. Сюртук, жилет, шинель – все вроде бы самое необходимое: «Вы обещали мне для жилета голубой материи; пришлите теперь ее. Из тех денег, которые мне следуют пред Рождеством я заплачу за пошитье» [1, т. X, с. 64]. Гоголь ведет строгие расчеты, называя точную сумму и вытекающие из сделанного преимущества: «На фрак и панталоны суконные пойдет как раз до ста рублей, но зато уже они будут у меня навсегда. Зимнего же платья до сих пор я не имел...» [1, т. X, с. 78]. На фоне безденежья и медленного изготовления костюма для того только, чтоб не быть голым, все-таки ощущается мечта быть модным. Это подспудное желание выдает постскриптом к письму: «При сем картинка нынешних мод» [1, т. X, с. 67].

Точность подсчетов – это своеобразная форма извинения перед ангелом-маменькой. В письме всевозможные реверансы, уверение в сыновней благодарности и т.д. Так, раздираемый противоречиями Гоголь, редко исповедуясь даже перед родными («Что же касается до бережливости в образе жизни, то будьте уверены, что я буду уметь пользоваться малым. Я больше поиспытал горя и нужд, нежели вы думаете» [1, т. X, с. 122]), обозначает формулу собственного бытия, похожую на миф: «Правда, я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно» [1, т. X, с. 122].

Зловещая фигура портного начинает прорисовываться уже в гимназические годы. Гоголь испытывает ужас долгов, и портной именуется «заимодавцем»: «Да еще пришлите пожалуйста деньги портному, который мне каждый день надоедает... Я ему должен за пошитье сюртука 10 рублей...» [1, т. X, с. 51].

Расчеты о своевременном изготовлении платья («...нужно по крайней мере три недели» [1, т. X, с. 96]) – реакция на уже имеющийся печальный опыт. В них сетования на упущенную возможность найти портного подешевле («...и тогда нужно метаться по всем портным и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату» [1, т. X, с. 96]) и горечь от сшитого наспех наряда («...а то мне всегда за скоростью шьют на живую нитку» [1, т. X, с. 95]).

Желание перебраться в Петербург порождает стремление найти портного именно в столице: «...нельзя ли заказать у вас в Петербурге портному самому лучшему фрак для меня?» [1, т. X, с. 102]. «Найти самого лучшего портного» – в этом как будто компенсация за все предыдущие промахи с одеждой. Гоголь сам уподобляется будущим персонажам «петербургских повестей», как бы растворившимся в их одежде.

«Отличное шитье», «по последней моде» – очевидно, что Гоголь готовится покорять столицу. И всегда поторапливание и обозначение точных чисел, когда именно ему нужно иметь фрак: «...мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый» [1, т. X, с. 102]. Не забывает Гоголь о моде: «Напиши, пожалуйста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны, выставь их цены и цену за

пошитье...» [1, т. X, с. 102]. Через строчку опять возвращение к теме модного цвета как к идее фикс: «Какой-то у вас модный цвет на фраки?» [1, т. X, с. 103]. И далее мотивировка: «Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами, а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется» [1, т. X, с. 102-103]. «Синий цвет» уже фигурировал в нежинских письмах: Гоголь как будто убегает от черноты.

Даже несмотря на нетерпение, с которым хочется нового фрака, Гоголь останавливает себя, принимая во внимание неблагоприятность домашних, усадебных, обстоятельств: «Лучший портной с сукном своим (первого сорту) с подкладкою, с пуговицами и вообще со всем, требует 120 рублей. Не смея теперь (зная ваши не слишком благоприятные обстоятельства) просить вас об этом, я буду ждать, когда вам можно будет собрать такую сумму» [1, т. X, с. 110]. Так появляется фигура лучшего портного, который шьет исключительно из своего сукна.

Приготовление к самостоятельной (петербургской) жизни раскрывается в автоконцепции Гоголя: «Я знаю кой-какие ремесла. **Хороший портной**, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью, работаю на кухне и много кой - чего уже разумею из поваренного искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маменьки... Итак, хлеб у меня будет всегда» [1, т. X, с. 131]. Определенное место в этой автоконцепции занимает «портной». Гоголь идентифицирует себя с человеком этой профессии, в своем творчестве придав ей онтологический смысл.

Для Гоголя любая безделица, полученная от родных, – знак их духовной связи. Извиняясь за скромность подарков, подчеркивает функциональность подарков: «Посылаю однако ж теперь то, что можно мне было послать: собственно для вас хозяйственный ридикюль и перчатки, а для сестры браслеты и пряжку» [1, т. X, с. 211]².

Гоголь просит сообщить некоторые параметры, выстраивая гипотетическую модель отношений: «Напишите, какой цвет идет больше к лицу вам и сестре. Это не мешает знать на всякой случай, особливо когда случатся у меня лишние деньги³. Также пришлите мне мерку с ног ваших: я знаю, что у вас совсем нельзя достать хороших башмаков, они же притом так непрочны! но здешние вам станут верно надолго» [1, т. X, с. 211]. И сожаление о несостоятельности подарков: «Дурно очень, что вы не написали, какой цвет к лицу вам и сестре, а также не прислали мерок с ножек ваших, и потому не погневайтесь, если в посылаемой при сем письме посылке всё будет не по вашему вкусу» [1, т. X, с. 220]⁴.

² Сожаление о неполученных подарках: «Целую вашу ручку и очень жалею, если сестра не получила браслет и нечего ей будет надеть на праздник, а вы также ридикюля. Хотя всё это и вздор, и малость, но вы бы, верно, были этому рады, зная, что это от искреннего и благодарного сердца приносит ваш сын, Н. Гоголь» [1, т. X, с. 216].

³ «Что можно будет сделать и что по силам моим, я доставлю; чего же нельзя, то будьте уверены, что не стану для этого лишать себя необходимого» - успокаивает Гоголь мать.

⁴ «Мне казалось, что сестре более всего шел розовый цвет, и потому я почти всего набрал розового. Впрочем, здесь теперь он самый употребительнейший» [1, т. X, с. 220]

В нескольких письмах развернут комический сюжет о башмаках: «Посылаю вам башмаки, какие только удалось сыскать на скорую руку. Ботинков на вашу ногу не было. Я заказал их – как будут готовы, то пришлю» [1, т. X, с. 226].

И далее в письмах сожаления по поводу не того размера: «Посылаю теперь по две пары вам и сестре. Эти поменьше и должны быть вам в пору; а не то, так пришлите их назад вместе со старым башмаком, потому что по мерке трудно подобрать» [1, т. X, с. 231]. Башмачок не на ту ногу отправляет к сказочному архетипу.

В письмах так же развернут чулочный сюжет. «Благодарю вас, очень благодарю за подарок ваш – дюжину чулок. И хотя я совсем не ношу нитяных чулок, но как драгоценность, как труды рук ваших, буду беречь у себя. Право, маменька, вы великодушны до бесчеловечия [1, т. X, с. 225].

Замещение одного вида чулок другими – как следствие перемещения в пространстве. Оппозиция север/юг выражается в состоянии здоровья: «Нитяные чулки запрещены мне носить доктором. Здешний климат – не Малороссия. Но если вы мне хотите непременно сделать подарок, то понемножку подготовляйте мне к зиме **шерстяных чулок**. Бумажных у меня довольно; шерстяных же крепких здесь трудно достать. Май у нас самый дрянной: дожди и снег беспрестанные, и я не решаюсь долго выезжать на дачу...» [1, т. X, с. 232].

В неженских письмах «мода» амбивалентна: хочется быть не хуже других, но вступают в силу нормы, и Гоголь ограничивает себя. «Внешний человек» постоянно борется с «внутренним»: «плотское» в противоречии с «духовным». Заботы о костюме в петербургском бытии открывают в нем потаенное, глубинное. Уже здесь появляется зловещая фигура портного и возникают мифопоэтические смыслы, очерчивающие ее. Отдельные детали костюма (башмаки, чулки, платья, сапоги), как бы отделяясь от человека, начинают жить самостоятельной жизнью.

Список литературы

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 10. Письма, 1820- 1835/ Ред. В.В. Гиппиус. – М.:Л., 1940. – 540 с. Т. VIII. – М.: Л., 1952. – 816 с.
2. Давыденко Л.А. Костюм в художественном мире Н.В. Гоголя (эпистолярный, письма): автореферат дисс. канд. филол. наук. – Саратов, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kostyum-v-hudozhestvennom-mire-n-v-gogolya>. – Заглавие с экрана.
3. Де Лотто Ч. Гоголь: одежда и мода // Гоголь как явление мировой литературы. Сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 79-86.
4. Карпов А.А. Николай Васильевич Гоголь в его переписке // Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. Т. 1. – М., 1988. – С. 5-27.